



МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ



НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ

*Жить в неведении
или примириться
с правдой?*

Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет

Мария Метлицкая
Незаданные вопросы

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Незаданные вопросы / М. Метлицкая — «Эксмо»,
2018 — (Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет)

ISBN 978-5-04-095662-3

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...» Каждый из нас хотя бы раз в жизни стоял перед выбором: что лучше – жить в неведении, пряча, словно страус, голову в песок, или узнать правду, даже если она перевернет, разрушит твою жизнь и сделает бессмысленными все предыдущие годы? Ольге Петровне, героине повести «Незаданные вопросы», понадобилось немало мужества, чтобы решиться посмотреть правде в глаза. Разочаровываться больно, но как иначе сохранить себя?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095662-3

© Метлицкая М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Незаданные вопросы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мария Метлицкая

Незаданные вопросы

© Метлицкая М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Незаданные вопросы

Дверной звонок был резкий и неприятный. Ольга Петровна всегда вздрагивала, слыша его. И каждый раз думала, что надо бы сменить. А потом, до следующего звонка, все забывалось, и руки снова не доходили.

Вздрогнула и сейчас. Посмотрела на часы – Ирка? Так рано? Какое же счастье, господи! Не придется торчать у окна, вглядываясь в темноту улицы. Ну слава богу! Хотя странно. У дочки есть ключ.

Схватила кухонное полотенце, вытерла влажные руки и заспешила к двери. Мельком глянула в глазок – ничего не разглядела с ее-то зрением. И, не спросив, кто, тут же щелкнула замком. Дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина – худая, высокая, в темном пальто и черном берете. В руках небольшой чемодан. Ольга Петровна растерялась и поправила очки.

– Вы... к нам?

Женщина в берете усмехнулась.

– Оля, ты что? Не узнаешь? Что, так изменилась?

Ольга Петровна вздрогнула и чуть отступила назад, потому что узнала.

На пороге стояла Муся. Ее двоюродная сестра. Которую она не видела... Лет пятнадцать, не меньше! Или – тринадцать. Впрочем, какая разница?

Ольга Петровна продолжала молчать, растерянная и ошарашенная. Наконец произнесла:

– Муся, ты? Вот уж... не ожидала!

Муся ответила коротким, сухим смешком:

– Оля! Ну что? Так и будем стоять? В дом не пустишь?

Ольга Петровна мелко закивала, покраснела и забормотала:

– Конечно, конечно! Муся, да что ты! Просто я... растерялась!

Муся неодобрительно хмыкнула – дескать, что с тебя взять? И вошла в дом. Ольга Петровна отступила на два шага назад и замерла, разглядывая неожиданную гостью.

Муся повесила на вешалку пальто, аккуратно сняла ботинки, пристроила их ровно по линейке, затем сняла берет и внимательно осмотрела себя в зеркале, чуть нахмурила брови, облизнула губы, после чего наконец обернулась на Ольгу Петровну.

– Что, Оля? Удивлена? Да, вот так... Такие дела. Ну, приглашай в дом, хозяйка! – И Муся ослепительно улыбнулась, показав по-прежнему отличные, крепкие и крупные зубы. – А тапки-то у тебя есть? Или так, босиком?

Ольга Петровна словно очнулась, снова закивала и принялась суетливо доставать тапки – гостей в доме не было, потому что гости в доме бывали редко. Подумав с минуту, протянула ей Иркины – самые приличные, почти «свежие», смешные, ярко-желтые с оранжевым кантом – утиная мордочка, кажется, из американского мультика. Муся усмехнулась.

– Иркины! – догадалась она. – Что, из детства никак не выскочит?

Ольга Петровна ничего не ответила. Муся всегда была щедра на «укусы» – такая натура. Самое умное – не вступать в диалог, целее будешь.

– Ну проходи! – как-то неуверенно пригласила Ольга Петровна и обернулась у входа на кухню. – Муся, ты голодна?

– Чай, только чай! – ответила та и уселась на табурет.

Было неловко разглядывать ее. Неловко и ужасно интересно. Как следует разглядеть, рассмотреть все подробно и расспросить все детально – как ее жизнь, как прошли все эти долгие годы, что получилось из *всего этого*. И что не сложилось. Понятно же было, что не сложилось. Но Мусю нельзя было расспросить. Можно было только *спросить*. Осторожно, аккуратно,

дипломатично. Но даже при этих условиях, при том, что этика и правила соблюдены, Муся могла не ответить – характер такой. Тяжелый характер.

Ольга Петровна помнила – связываться с Мусей никто не торопился. В спор с ней вступать рисковали немногие. Позволить себе подобное мог только Мусин отец, дядя Гриша. Но что ей нужно? Зачем она приехала? Что случилось и почему она здесь? На сердце было тревожно. Впрочем, от встреч с Мусей было тревожно всегда.

Ольга Петровна совсем растерялась – переставляла чашки, гремела ложками, хлопала дверцей холодильника и бросала осторожные взгляды на сестрицу.

– Муся! Может, все-таки поешь? У меня есть чудесные голубцы. Так хорошо получились!

Муся чуть скривила губу:

– Голубцы? Ну давай. Только один, слышишь? Больше не съем – ты ж меня знаешь!

Ольга Петровна радостно закивала – теперь у нее появилось дело, пусть кратковременное, минут на десять, но все же дело. А это означало, что разговор и общение отодвигались – хотя бы чуть-чуть.

Она поставила перед гостьей тарелку с разогретым голубцом, от которого шел вкусный, ароматный парок, и присела напротив.

– Муся! – всплеснула она руками. – А хлеб?

Муся мотнула головой:

– Завари лучше чаю! И покрепче, Оля! Ты же знаешь, какой я люблю!

Ольга Петровна с радостью вскочила, поставила чайник и стала искать в шкафчике заварку. И на секунду замерла. Муся, как всегда, ей *приказала*! Или так – говорила с ней приказным тоном, словно хозяйкой была здесь она, Муся, а никак не Ольга Петровна.

«Ой, да что я? – остановила себя она. – Что я, Мусю не знаю? – И приказала себе: – Не обращай внимания, Оля! Ты же понимаешь, что *там* не все хорошо! Или даже совсем *нехорошо*. Иначе бы...»

Наконец она села напротив нежданной гостьи и аккуратно стала ее рассматривать. Муся сдала. Постарела: морщины под глазами и возле носогубных складок, опущенные уголки глаз и губ – печальки, как назвала их Ольга Петровна. Руки с истонченной пергаментной кожей, покрытые вялыми пятнами. Седина и тусклость волос.

Но сдала – это другое! Сдала – это поникшая голова, поникшая шея. Поникшие, опущенные плечи – человеку тяжело держать свой каркас, свои мышцы. Но главное – глаза! Когда в них нет интереса, неважно к чему, все равно. Потухшие глаза – вот что такое «сдала». Сдала – это когда из человека почти ушла жизнь. Жизнь утомила, и это заметно. Когда человек устал и больше ничего не хочет, потому что уже все знает и все ему неинтересно. Он больше не хочет открытий.

Это, конечно, в той или в иной степени испытывают все, кому за пятьдесят, – разочарования и усталость никого не минула. И все же у всех по-разному, в разной степени. Женщины тяжело переносили наступление старости. Особенно красавицы, особенно яркие, значительные женщины с «биографией». Ольга Петровна была точно не из их эшелона. Скромная, тихая Ольга Петровна считала себя женщиной... незначительной.

А Муся была как раз из красавиц! Из тех, за кого можно и под поезд – роковой женщиной была эта Муся.

А вот ведь тоже потухла, и это бросалось в глаза. Муся устала от жизни? Нет, вряд ли! Как это на нее не похоже! Может, просто устала с дороги?

Ела Муся красиво – неспешно, аккуратно, с достоинством. Впрочем, достоинство – Мусин конек. Если честно, достоинство у Муси вовсе не глубинное, не врожденное. Все близкие все про нее понимали. Но держалась она всегда так, словно была особой царских кровей. Как говорится, умела себя подать.

Наконец Муся все с тем же достоинством аккуратно отставила тарелку и приборы, вытерла губы салфеткой.

– Спасибо! Ты всегда была кулинаркой! В отличие от меня. – И Муся хихикнула.

Ольга Петровна смущенно махнула рукой:

– Да брось ты! Все – опыт! Нароботка навыков, а не талант. Не научиться элементарному – это, знаешь ли, почти невозможно. – И, наливая госте чай, наконец решилась: – Муся! Ты как сюда – насовсем?

Муся, отвернувшись к окну, вяло и неохотно проговорила:

– Да, Оль! Насовсем. Так получилось.

– Ты меня извини, – решилась Ольга Петровна, – за любопытство. Не получилось? Но... Тебя же не было почти...

Муся ее перебила:

– Не напрягайся – тринадцать лет. Да, Оль! – с вызовом добавила она. – Не получилось! Ты же знаешь, какой был у нас возрастной разрыв. Шестнадцать лет! Я старела, а он... Он – только мужал. Это же мы, женщины, стареем. – И она криво усмехнулась. – Что тут нового и непонятного? Я старела, сходила с ума от того, что старею. Каждое утро подсчитывала новые морщины. А уж если день был солнечный... Не утешало совсем! Начала прибаливать – то одно, то другое, то третье. – Она снова усмехнулась. – Ну и кому это понравится? Начала к нему цепляться, ревновать, устраивать сцены. Безобразные, надо сказать. Никогда прежде такого не было, ты меня знаешь! Самой было противно и стыдно. Себя ненавидела больше, чем его. Ну и дальше – понятно. Меня заменили. Нашли более свежую и молодую. Без истерик и камней в желчном пузыре. Без мигреней и климакса. Вот так. Хотя – чему удивляться? У тебя можно курить?

Ольга Петровна на мгновение растерялась – дом был некурящий, причем некурящий строго. Гостей с сигаретами всегда выставляли на балкон или на лестничную клетку.

Но не гнать же Мусю на улицу, где уже минус пять?

– Кури, – со вздохом кивнула Ольга Петровна и тут же подумала: «Хорошо, что нет Левы! Он придет не раньше, чем через два месяца». Она протянула Мусе блюдо, и та щелкнула зажигалкой. – А что дальше, Муся? Как думаешь жить?

Муся ответила легко и беззаботно, как отвечала всегда:

– Да как-нибудь проживу! Не впервой, да? Устроюсь куда-нибудь. На хлеб и чай заработаю. – И чуть подалась вперед, ближе к Ольге Петровне. – Оля, послушай! – Она сказала это так тихо, что Ольге Петровне стало не по себе. – Оля! А можно я у тебя поживу? Ты не волнуйся, недолго! Чуть приду в себя. Разберусь у себя... У меня комната есть, ты помнишь?

Ольга Петровна кивнула – комнату помнила, да. Конечно, помнила! Комната была не очень – узкая, темная. Но – в центре, на Кропоткинской. Кажется, последний этаж. Дом старой постройки, в четыре или пять этажей, с деревянной лестницей, без лифта.

Запомнилось вот что – темный деревянный дощатый пол и светлые, крашенные известкой стены. Кровать у окна – старинная, наверное бабушкина, с металлическими шариками на спинке, и комод – огромный, тяжелый, темный, на котором стояли мраморные слоники шеренгой, по росту. Вазочка с сухой вербой и несколько фотографий. Все. Шкафа, кажется, не было.

Слава богу, что комнату Муся за собой сохранила, при всей беспечности и, казалось бы, безалаберности, своего она никогда не упускала и к материальному относилась внимательно и серьезно.

«Вот и хорошо, – подумала Ольга Петровна. – Погостит, придет немного в себя и съедет. Конечно, съедет! Придется потерпеть – все же сестра».

– Ну, Оля! Что мы обо мне? Рассказывай, как у вас. Наверняка это куда интереснее! – Муся улыбнулась, всем видом демонстрируя интерес.

– Муся, ничего интересного, ты мне поверь! Все как было. Ну совершенно без перемен! Может, это и хорошо? Лева, как всегда, горит на работе. Снова командировка, теперь – Индия. Климат, конечно! Уже тяжело. Но он счастлив, и это главное! Я, как всегда, как домашняя курица – есть парочка учеников, подтягиваю перед экзаменами по математике, но это так, чтобы не отупеть окончательно. – Ольга Петровна улыбнулась и развела руками. – Ну и Ирка. – Она вздохнула. – Нет, так все хорошо, ничего критичного! Здорова, ходит в институт. Но... как-то не все мне нравится, понимаешь? – Ольга Петровна посмотрела Мусе в глаза. Та молчала. – Нет, ничего вроде плохого, – продолжила Ольга Петровна. – Но она какая-то нелюдимая, замкнутая, закрытая. Что там у нее происходит, не знаю. Совсем ничего не знаю, понимаешь? Ни про подруг, ни про молодых людей. Молчит, а если спрошу, услышу: «Мама, отстань! Все нормально!» Вроде тихая, скромная, положительная. Без каких-то пороков. И все же мне неспокойно. Хорошо бы ей подруг, кавалера. Но, кажется, ничего этого нет и в помине.

Муся глубоко затянулась, выпустила дым.

– Оля! Ну это же абсолютно нормально! У всех было именно так! Кто из нас стремился поделиться с родителями? Лично я никогда! Потому что, – Муся рассмеялась, – мне было что скрывать, пони-маешь?

«Зачем это она? – вздрогнула Ольга Петровна. – Зачем привела этот пример? Хочет сказать, что и Ирке есть что скрывать? Муся есть Муся, – с неприязнью подумала она, – не изменилась, увы».

А вслух сказала:

– А я маме все говорила! Все абсолютно, – с какой-то гордостью повторила она.

– Конечно! – Слова эти Мусю развеселили. – Ты же у нас святая! Что тебе-то было скрывать?

Ольга Петровна слегка обиделась. Хотя что обижаться на правду? Все было именно так. Оле-подростку скрывать было нечего. Девушке Оле, вошедшей в молочную спелость, – тоже, увы! Молодой женщине Ольге – тоже. Вышла замуж, родила дочь. Вела абсолютно праведную и добропорядочную жизнь. Никаких секретов! Ну совершенно никаких! Размеренная, скучная, семейная жизнь.

Для Муси наверняка до противного наивная и смешная.

– А что у Ирки? – вдруг снова спросила Муся. – Совсем никого?

Ольга Петровна загрустила.

– Совсем, Мусь. Даже уже волнуюсь. Ты же знаешь: не найдешь мужа в институте – все, кранты. Значит, не выйдешь уже никогда. Да и при теперешней конкуренции! Девушки такие – подметки ведь рвут на ходу! А эта, моя? Тихая, скромная, молчаливая. Нет, внешне не дуренька! С этим в порядке. А что толку? Вот именно – ничего. По-моему, просто синий чулок.

Муся кивнула:

– Да, дело в характере, в натуре бабской. Ты не права – есть бабы, которые и в сорок, и в пятьдесят жизнь устраивают. Здесь от возраста не зависит – точнее, не в возрасте дело! И с детьми, и с плетью. Только эти бабы и вправду подметки рвут. Жизнь ведь такая... Не ты, так тебя. Зубы надо точить и быть бдительной. Тетехи сейчас не в чести, как ты, например! – И Муся расхохоталась.

Смех у нее был по-прежнему звонкий, молодой, задорный.

«Надо же, – удивилась Ольга Петровна, – сама скукожилась, усохла, а смех остался – девчоночий смех».

И снова обиделась. Хотя ведь снова Муся была права.

– Ты на меня не обижайся, Оля! – Муся словно подслушала ее мысли. – Ты чудесная! Ты замечательная, Олечка! Честная, верная, преданная. Лучшая из тех, кто встречался на жизненном пути. А ты знаешь – розами он не был выслан точно, мой жизненный путь. Таких, как

ты, наверное, больше нет. Но ты же тетеха, Оля! Тебя же вокруг пальца обвести – как нечего делать! И то, что ты вышла за Лева, да еще так удачно, – не просто везение, Оля! Это судьба.

После этих слов Ольга Петровна окончательно решила не обижаться. Все – правда, как ни крути! И то, что Лев предпочел именно ее, тихую и обыкновенную Олю, когда вокруг были сплошные красавицы. Нет, дурнушкой она не была – в молодости даже совсем ничего, симпатичная. Блондиночка с нежной кожей, голубыми глазами и мило вздернутым, чуть присыпанным конопушками носиком. Мужчины любят такой типаж – беззащитная, тихая, милая.

И в конце концов Муся признала ее положительные черты – порядочность, верность и честность. На что обижаться?

Да, ей повезло. И как повезло! Лева был самым прекрасным мужчиной на свете – в этом она была абсолютно уверена. Ни разу за их долгую, длиною в двадцать пять лет, семейную жизнь он не дал ей повода усомниться в своей верности и порядочности. Конечно, ей повезло! А сколько женщин вокруг страдало? От пьянства мужей, от вранья, от неверности. От хамства, наконец. От жадности. От неуважения и пренебрежения.

Ее это все миновало. Судьба? Или везение? Да какая разница!

Главное – что ей повезло!

– Ну, ты не расстраивайся так с Ирккой, не убивайся! Скромница? Поправимо! Я ее малость подучу, проконсультирую! – И Муся снова рассмеялась. – Я ж в этом деле мастак! А когда она, кстати, придет?

Ольга Петровна от этих слов сжалась: «Господи, не дай бог! Не дай бог, чтобы Муся вмешалась в Ирину жизнь».

И тут же глянула на часы – пол-одиннадцатого! С ума можно сойти! Ольга Петровна вскочила и подошла к окну. Прижалась лбом к прохладному и влажному стеклу и стала вглядываться на улицу.

– А позвонить? – сообразила Муся.

Ольга Петровна махнула рукой:

– Эта дуреха так торопилась с утра, что телефон дома забыла! Растеряха жуткая! Точно – тетеха! И что с ней делать, ума не приложу! Спросила ведь: «Ира, ты взяла телефон?» – «Да, мам! Конечно». А я обнаружила его в ванной комнате! Нет, как это можно, ты мне ответь? И что теперь делать? – Она повернулась к Мусе и растерянно захлопала глазами, которые уже наполнялись слезами.

Муся беспечно засмеялась:

– Оля! Это же молодость! Да ты радуйся – может, в кино с парнем пошла? Или в кафе?

И в эту минуту в дверь раздался звонок.

– Ирка, боже мой! – вскрикнула Ольга Петровна и, как заполошная, бросилась в коридор.

Ирка уже открывала дверь своим ключом. Такая у нее была привычка: ключ – в замочную скважину и одновременно нажать на звонок. Как предупреждение: «Мама, папа! Я дома! Возрадуйтесь! И поспешите встречать!»

Так всегда и было. И мать, и отец – если был дома – всегда торопились навстречу единственному и обожаемому чаду.

– Ира, да как же так? – всхлипнула Ольга Петровна. – Телефон, как всегда, забыла! С чужого не позвонила! Пришла бог знает во сколько! Ну как же так можно?

В этот момент в коридоре появилась и гостья.

Ира, скидывая мокрые сапожки, с удивлением уставилась на нее – разумеется, блудную и заблудшую родственницу она не помнила: во время последнего Мусино бегства была еще очень мала.

Ольга Петровна поспешила представить дочери тетку:

– Это Муся! Моя двоюродная сестра! Ты, наверное, много слышала о ней. – Произнеся последнюю фразу, Ольга Петровна слегка поперхнулась, уловив двусмысленность, которую она вкладывать не собиралась, но так получилось. И вправду – тетеха.

Муся, казалось, подвоха не заметила. Она вышла из-за спины Ольги Петровны, широко улыбнулась и протянула Ире тонкую руку.

– Мария Григорьевна. Можно Муся! Твоя, собственно, тетка!

Ирка растеряннo кивнула и снова посмотрела на мать.

– Муся у нас... погостит, – еле выговорила Ольга Петровна. – Она приехала издалека, давно не была дома, в Москве. – И тут же поймала себя на мысли, что она почему-то оправдывается перед дочерью.

Ирка, наконец сбросив оцепенение, громко сглотнула слюну и кивнула.

– Мам, я в ванную! И чего-то поесть!

Ольга Петровна наконец расслабилась, даже порозовела и тут же захлопотала – принялась разогревать голубцы, нарезала хлеба, ловко налила компот.

– Муся! – вспомнила Ольга Петровна. – А пирог? У меня ведь есть замечательный пирог с яблоками! Вот ведь... забыла! – И она отрезала большой кусок пирога.

Муся откусила и покачала головой.

– Да, Оль! И пирог у тебя... А ведь Левке твоему тоже повезло! Вот я, например! Буду стоять на кухне, жарить, парить. Вешать до грамма – все по инструкции, все по кулинарной книге – ничего на глазок. А выйдет такая фигня. Совсем несъедобная, честно!

«Ну ты, конечно, совсем не пример, – подумала Ольга Петровна. – И не только, кстати, в кулинарии».

Вслух, конечно, ничего не сказала. Да и как такое скажешь?

Появилась Ирка – бледная, уставшая, просто смотреть невыносимо.

Муся с интересом разглядывала ее, не смущаясь. А вот та явно стеснялась непонятной гостыи.

– Оль! – сказала Муся. – А если я в ванную? Ты не против?

Ольга Петровна закивала:

– Конечно, конечно! Я сама должна была тебе предложить! Вот вправду – тетеха.

Она бросилась в комнату, достала из шкафа большое махровое полотенце – из тех, что поновее. Подумала и достала еще два – маленьких. Как говорила ее свекровь – личное и ножное. И вытащила ночную сорочку – новую, ненадеванную. Купленную для больницы – если... не дай бог! Возраст уже, все может случиться...

Муся, прихватив полотенца, удивилась:

– А зачем так много, Оль? – И ушла в ванную. Через пару минут крикнула: – Какой можно взять шампунь? А крем?

Ольга Петровна показала ей шампунь, а вот насчет крема извинилась – только наш, дешевый. «Люкс».

– Я люблю наши, – извиняющимся голосом сказала она. – Они ведь на всем натуральном.

Муся кивнула и закрыла дверь.

Ирка уставилась на мать.

– Мам, это что? – Она показала взглядом на ванную.

Ольга Петровна приложила палец к губам.

– Тише, Ира! Тише! Может услышать! – И шепотом принялась объяснять: – Моя сестра. Двоюродная. Дочь дяди Гриши. Ты помнишь дядю Гришу?

Ирка недовольно скривилась:

– Какая разница: помню – не помню?

– Так вот, – продолжила Ольга Петровна, – Муся уехала из Москвы тринадцать лет назад. Бросила мужа и сбежала с любовником. – Ольга Петровна перегнулась через стол, чтобы дочь

ее слышала. – Любовник был черт-те на сколько лет ее моложе – кажется, на шестнадцать. Оставил жену с ребенком – ты представляешь?

Ирка нетерпеливо перебила:

– Ну а дальше что было?

– Да ничего. Ничего! Муж, конечно, переживал. Кстати, приличнейший был человек. Заведовал музыкальной школой где-то на Преображенке. Но слава богу, потом удачно женился, родились дети – все хорошо. Откуда я знаю? Да встретила его случайно, лет пять-шесть назад. Поговорили. А про Мусю никто ничего не знал. Совсем ничего. Ни отцу, ни мачехе – ей-то тем более, отношения у них были очень плохие – Муся не писала. Ни одного письма за все годы! Впрочем, дядя Гриша умер давно, через несколько лет после ее отъезда. Все винил себя, что так получилось. Глупость, конечно! При чем тут они? Он и его жена? Семья была огромная, а про Мусю никто ничего не знал. Исчезла, словно испарилась. Жива – не жива? И тут вот... явилась. И к нам – надо же, я так удивилась! И узнала-то ее не сразу! Почему к нам? Ну, думаю, она понимала: вопросов я задавать не буду, просто приму – и все.

– И, – Ирка снова кивнула на ванную, – надолго ли? Интересно.

– Да я почему знаю? Вообще, у нее есть комната, неплохая, в центре, я там была. Дядя Гриша, ее отец, тогда ее выхлопотал. Жить вместе им было невыносимо.

– Из-за мачехи? – уточнила дочь, глотнув компоту.

– Из-за всего. Много там было... Из-за чего.

Дверь ванной открылась, вышла распаренная и умиротворенная, с лицом, блестящим от жирного крема, Муся, одетая в рубашку хозяйки. Она сразу похорошела, как будто отдохнула, отоспалась – посвежела. Порозовела кожа, разгладились морщины.

– Можно чаю? – спросила она.

Ольга Петровна кивнула:

– Конечно, конечно!

Быстро вскипятила чайник, достала клубничное варенье и нарезала лимон.

Муся неспешно пила чай, жмурясь от удовольствия, и с интересом посматривала на племянницу.

– Ну, Иринка! – проговорила она, окончательно смутив и так растерянную Ирину. – Колись! Как живешь? Чем дышишь? О чем мечтаешь?

Ирка, моментально покраснев, с испугом, словно ища поддержки, посмотрела на мать.

Ольга Петровна опешила и глупо хихикнула:

– А что? Говори! Может, сейчас я все узнаю?

Растерянная и обескураженная, Ирина спешно ретировалась:

– Спать хочу, мам!

– Конечно, иди! – обрадовалась Ольга Петровна. – Тебе завтра рано вставать?

Муся глянула на часы, широко и смачно зевнула, и Ольга Петровна заспешила в кабинет мужа, чтобы постелить гостье.

Прибравшись на кухне – господи, второй час! – Ольга Петровна тоже отправилась в спальню. Только блаженно вытянув ноги, она поняла, как сильно устала. Уснула быстро, но вскоре, минут через сорок, проснулась – давняя и верная спутница, бессонница, конечно же, тут же дала о себе знать.

Ольга Петровна лежала с открытыми глазами и следила за тенями от проезжавших машин, мягко скользящих по потолку. Внезапно зарядил сильный дождь, косыми и мощными струями забивший по стеклам. «Ну теперь уж точно не усну!» – вздохнула она, вспомнив, что снотворные таблетки остались в кабинете мужа. Не будить же Мусю, ей-богу. Она закрыла глаза, перевернулась на бок, подоткнула одеяло – так поуютнее – и стала караулить сон, впро-

чем, отлично понимая, что это труд напрасный и лишний. Перед глазами всплывали картинки – детство, их большая и в целом крепкая и дружная семья. Но конечно же, не без проблем.

Дедушка и бабушка – любимые дедушка и бабушка. Деда она помнила плохо – он умер, когда ей было шесть лет. А вот бабушка прожила еще девять. Родители взяли ее на похороны деда с собой – у мамы была четкая установка, что, во-первых, ребенок не должен бояться смерти, а во-вторых, проводить близкого человека необходимо. Потому что скорбь и сочувствие вызывают в человеке только лучшие чувства.

Оля стояла поодаль, боясь подойти к гробу и близко увидеть деда. И все же попрощалась – положила цветы в изголовье, слегка зажмурившись от непонятного страха перед покойником. Кстати, Муси, двоюродной сестры, на похоронах дедушки не было – дядя Гриша, ее отец, пряча глаза, сказал, что дочь приболела.

Ольга запомнила, как ее мама тогда как-то странно и недобро усмехнулась. А вот бабушка сыграла в Олиной жизни огромную, неоценимую роль. Бабушку любили все – таким она была человеком. Тихая, добрая, мудрая, ничего ни от кого не требующая – ни от детей, ни от внуков. До последних дней она жила одна у себя в квартире, не желая – несмотря на уговоры – переезжать к детям. Перед майскими она обзвонила детей и позвала их в гости.

Все удивились – накрывать стол она была уже не в силах, на семейные торжества ее всегда привозили к детям, а тут! Что за блажь? Непонятно.

Но, конечно же, все собрались. А бабушка накрыла такой стол, что на пороге комнаты все остолбенели – на белой, парадной, туго накрахмаленной скатерти стояли блюда с пирожками – фирменным бабушкиным блюдом. Плошки с салатами, студнем и заливным. Растерянные дети недоумевали – как же так, мама? И главное – зачем?

Бабушка тихо посмеивалась, рассаживая гостей за праздничный стол.

Это был прекрасный, душевный и теплый вечер – на несколько часов все забыли семейные дразги, проблемы и вечные заботы – шумно, как в молодости, общались, перебивая друг друга, много смеялись и вспоминали счастливые годы из детства.

Бабушка смотрела на всех с тихой, умиротворенной и счастливой улыбкой. Смотрела и молчала: человеком она была не говорливым. Расходились поздно за полночь. Конечно, перед уходом перемыли посуду, убрали стол, подмели.

Прощаясь, бабушка дрожащими руками крепко обнимала детей и внуков. В ее глазах стояли слезы.

Никто ни о чем плохом и не думал – наоборот, все были счастливы: мамочка молодец! Такой пир закатила! Надо же, справилась – труд-то великий!

На следующий день бабушка не брала телефонную трубку. Кто-то сорвался с работы и полетел к ней.

В квартире царил идеальная чистота – посуда была убрана в буфет, плита и раковина сверкали – словом, ничего не напоминало о вчерашнем празднестве.

А бабушка лежала в кровати – спокойная, довольная, умиротворенная, счастливая. Сложив руки поверх одеяла. На голове новый платок. Бабушки больше не было...

Непостижимо! Непостижимым оказалось все – и ее предчувствие близкой кончины, и непонятно откуда взявшиеся силы. И сдержанность, немыслимая сила духа при прощании с семьей – только она знала, что было это прощанием.

Оля плакала, стоя на кухне у окна. На столе лежал пакет с бабушкиными пирожками, которые та засунула ей в коридоре.

Увидев пакет, она разрыдалась в голос. Есть любимые пирожки с земляничным вареньем казалось ей сущим кощунством. И она потихоньку от мамы высушила их на батарее и убрала в дальний ящик письменного стола.

Пирожки превратились в сухари и хранились долго, лет пять, пока Ольга не вышла замуж и не переехала к мужу, в счастливом угаре забыв про свое хранилище. Пирожки нашла мама, поплакала и, конечно же, выбросила.

– Память в сердце, Оля! – сказала она тогда. И, конечно, была права.

На похороны бабушки Муся пришла. Они с Ольгой не виделись пару лет – Ольга училась как одержимая, а Муся (ей тогда было четырнадцать) жила своей жизнью, игнорируя семейные сборища.

Горевали все сильно – для всех, абсолютно для всех, бабушка была человеком родным, близким и очень любимым. Не плакала только Муся – держалась в стороне, явно тяготясь ситуацией. С бабушкой попрощалась, положив на могилу цветы. И – это было очень заметно – постаралась поскорее исчезнуть. На поминках ее уже не было.

Перед тем как уйти, она подошла к горящей Ольге, осмотрела ее критическим взглядом.

– Ну как дела? Все корпишь над книгами?

Оля, всхлипнув, кивнула – поступать в этом году.

– А-а-а! – протянула скучающим голосом Муся. – Ну-ну! Ты уж старайся! – усмехнулась она. В голосе ее были и издевка, и какое-то непонятное превосходство. Она скользнула по Ольге взглядом и явно разочаровалась. Махнула рукой и быстро пошла к чугунным воротам кладбища, открывающим дверь в жизнь живую и шумную.

Ольгина мать смотрела вслед племяннице, и взгляд ее был задумчивым, печальным и расстроенным, что ли?

Ольга знала: Мусина мать и жена дяди Гриши, маминого родного брата, сбежала с любовником. Оставив не только мужа, но и пятилетнюю дочь. Про «сбежала» и «любовника» Ольга, конечно, подслушала.

Там было еще много чего, далеко не лестного, сказанного родней в адрес неверной жены.

Мать Муси, ту самую беглянку, Ольга немного помнила – высокая, статная, красивая женщина, темноволосая и светлоглазая. Крупный красивый рот был накрашен ярко-красной помадой. Звали ее Софьей. Впрочем, имени ее в семье не произносили. Говорили или «Гришина бывшая», или «мать Муси», или, совсем коротко, *та*. Была она надменной и молчаливой. Ольга запомнила ее курящей на кухне и смотрящей куда-то вдаль, поверх людей, их забот и проблем. Казалось, она существует не в этом мире, не в этой квартире, не в этой семье, полной радостной и шумной родни. Она всегда выглядела здесь чужой, и, кажется, ее это не огорчало.

Лет в двенадцать Ольга осмелилась начать с мамой разговор про *ту*. Мама недовольно отмахнулась.

– Это вообще не ваше дело! Не детское! Какая вам разница – что там и как? В жизни много чего бывает, вырастешь – разберешься! – А потом все же нехотя добавила: – Ушла она от Гриши, Оля! Полюбила другого и ушла. Ничего страшного в этом не вижу. А вот то, что девочку оставила, – это да, это беда.

Конечно, хотелось расспросить подробности – к кому, например, ушла красавица Софья. Почему не взяла с собой дочь? Куда она уехала? Наверное, далеко, раз не появилась в Москве ни разу?

Но Ольга поняла, что больше ни на какие вопросы ответа не получит – мама и так слишком много сказала.

Брошенному и внезапно крепко запившему Грише стали помогать всем миром, всей семьей – Мусю забирали к себе на выходные, брали с собой в поездки и отпуска, билеты в цирк и театр покупались с расчетом и на Мусю тоже. Девочка, казалось, не была предоставлена самой себе, но у нее не было матери. Что тут говорить?

Она была непростым ребенком – об этом тоже шептались взрослые потихоньку от остальных детей. И, конечно, оправдывали: сирота, и это при живой матери! Кошмар и позор для семьи.

Впрочем, и такое однажды Оля услышала, от кого, не запомнила:

– Да при чем тут эта Софья, господи? – жарко сказал чей-то женский голос. – Муська с самого детства стерва была! Еще при мамаше! Вы что, забыли? А это только усугубило, не спорю. Хотя если б мамаша осталась, может быть, было и куда хуже.

Муся была странной, да. Нелюдистой, дерзкой, упрямой. С ней было сложно, так говорили все взрослые. Но еще Муся была несчастной, брошенной собственной матерью.

Дядя Гриша довольно быстро женился. «Хорошие мужики на дороге не валяются», – сказала на это Ольгина мама. Женился на скромной, казалось бы, женщине – серой, скучной и некрасивой, полной противоположности Софье. «Что у нее там в голове – непонятно!» – нечаянно услышала Ольга разговор родственников.

Отношения с мачехой у Муси не сложились, кто тут виноват – непонятно. И Муся тот еще фрукт, и тихая мачеха-учителька тоже, как оказалось. В общем, загадка, поди их разбери.

Пару раз Муся убегала из дома – было, было. Ловили и возвращали. Отец ругал ее нещадно. Мачеха подливала масла в огонь: фокусы падчерицы ей давно надоели.

К пятнадцати годам Муся выросла в красавицу. «Вылитая *та*», – шептала родня. Те же темные, почти черные волосы – это называлось «жгучая брюнетка». Синие яркие глаза. Красивый, сочный, немного брезгливый рот. Стройная фигура, высокая грудь, красивые ноги.

Ольга видела, как на Мусю, совсем еще юницу, заглядываются мужчины всех возрастов.

Муся, казалось, этого не замечала – шла быстро, торопливо, с высоко поднятой головой, с вечной презрительной усмешкой на красивых губах.

Ольга хорошо помнила поездку на юг, в Севастополь. Тогда они прихватили и Мусю. Жили в пансионате на берегу – прекрасное время! Рано утром бежали с мамой на море – скорее бы окунуться, пока еще не разжарилось июльское солнце, только встающее из-за горизонта. На пляже было пустынно и тихо: отдыхающие спали крепким и сладким сном – полшестого утра.

Купание было радостным, восхитительным – Ольга с мамой заплывали далеко, почти до буйков. Плавали обе отлично.

От ранних купаний Муся сразу отказалась: «В такую рань? Не-ет, ни за что! Я что тут, в тюрьме? Завтрак по расписанию, обед по расписанию. Подъем и отбой – тоже! Нет уж, увольте!» Мама согласилась: «Как хочешь, Муся! Дело твое».

Скоро Муся и завтраки стала игнорировать. Спала до одиннадцати и просила сестру принести ей из столовой «чего-нибудь».

Ольга украдкой от мамы засовывала в карманы куски хлеба с сыром и вареные яйца.

После завтрака мама шла на море, а Ольга – будить Мусю. Сонная Муся, сладко потягиваясь, прямо в постели ела принесенное Ольгой, стряхивая крошки тонкими пальцами на пол, и хвалила сестру:

– А ты молодец! С тобой можно в разведку! – И громко, заливисто смеялась.

На пляж она шла, когда ей заблагорассудится – днем, в самое пекло, или поздно вечером, когда темно.

И никакие мамины и Ольгины уговоры и просьбы, никакие требования и вызывания к совести на нее не действовали: «Вы меня взяли? А я вас просила?» Все, точка. И растерянная, расстроенная мама замолкала.

А однажды Муся исчезла.

Не было ее почти сутки. Потом мама говорила, что эти сутки были самыми страшными в ее жизни. Муся исчезла утром, пока Ольга с мамой ходили на рынок, чтобы купить свежего творога девочкам на завтрак. Впрочем, Муся творог не ела – предпочитала бутерброды с колбасой. Вернувшись с базара, обнаружили, что Муси нет дома. «В такую рань? – удивились

обе. – Такого еще не бывало. А может, Муся отправилась на пляж? Захотела наконец искупаться в утреннем море?»

Ольга побежала на пляж – Муси там не было. К вечеру мама пошла в милицию, наказав дочери караулить беглянку дома. Ночь была страшной – мама кругами ходила по комнате, застывала, замирала у окна. Ольга, изо всех сил борясь с тревожным сном, пыталась ее подбодрить.

Утром обессиленная мама решила звонить в Москву. Но на почте случилась какая-то поломка на линии, и Москву не давали часа два или больше.

В два часа дня появилась Муся – бледная, усталая и очень сонная.

– Где ты была? – закричала измученная тетка, Ольгина мать.

Муся, широко и сладко зевнув, спокойно и равнодушно посмотрела на тетку и сестру и, словно раздумывая, а стоят ли они вообще ее внимания, – лениво ответила:

– Где была, там меня нет!

Возмущенная Ольга громко, криком выговаривала бессовестной и наглой Мусе:

– Мы не спали, сходили с ума. Заявили в милицию. Мама побежала звонить нашим, в Москву, сказать, что ты пропала! А может, тебя убили? Изнасиловали? Увезли бог знает куда? Ты могла бы хотя бы оставить записку?

Муся, продолжая позевывать, отмахнулась от Ольги, как от назойливой мухи.

– Да заткнись ты! Достала! Все со мной нормально, поняла? И нечего было кипеш поднимать! «Убили, изнасиловали!» – смешно! Я сама... кого хочешь! – И она хрипло рассмеялась. – И вообще я хочу спать, поняла?

Скинув с себя сарафан, голая Муся нырнула в постель, повернулась на бок и тут же уснула.

Мама села на табуретку и, уронив голову на руки, расплакалась. Но больше она не сказала Мусе ни слова! «Вот ведь выдержка! – думала Ольга. – Я бы так не смогла!»

До отъезда оставались считанные дни. Мусе был объявлен бойкот – ни Ольга, ни тетка с ней не разговаривали. Мама положила на ее кровать деньги:

– Это тебе на питание. Если задумаешь снова уйти – поверь, сладко не будет! Местная милиция предупреждена.

Муся презрительно хмыкнула, но деньги взяла.

В купе ехали вместе. На полпути Муся поменялась с пожилой женщиной.

– Не хочу смотреть на ваши постные лица! – бросила она тетке и сестре.

На вокзале расстались. Разумеется, никто не услышал от Муси ни «спасибо», ни «извините». Да никто этого, собственно, и не ждал.

Только в такси мама выдохнула:

– Уф, слава богу! Я думала, что этот ад не кончится никогда!

Ольга была так зла на сестру, что ни видеть, ни слышать о ней не хотела. Как-то поймала обрывок маминого разговора по телефону:

– Ушла? Знаешь, я не удивлена ни минуты! После того, что было в Севастополе! Я тогда лет на десять постарела. Не знаю, как вообще это пережила! И никто ничего и никогда поделать не сможет! Потому что уже поздно. И еще потому что гены! А это, моя дорогая... Ой, да хватит о ней! Много чести!

Муся ушла? Куда, к кому? Да какая, и вправду, разница! Совсем чужой человек!

* * *

Успешно окончив школу, Ольга легко поступила в институт. Выбрала геолого-разведочный. Почему? Наверное, романтика молодости. Хотела ездить в экспедиции, «в поля». Искать минералы. Твердо верила, что найдет что-то, еще неизвестное науке.

Родители удивились: «Тебя, с твоим аттестатом, возьмут в любой вуз! А ты собралась в какой-то мальчиковый и непонятный! И все это глупости юности – экспедиции, разведки и твои дурацкие поля!» Больше всех бушевал папа. Он мечтал видеть умницу-дочь врачом или в крайнем случае учителем.

Но сметливая мама быстро сообразила – после того, как вместе с дочерью посетила день открытых дверей. В геолого-разведочном было полно парней! Гораздо больше, чем девушек. И это означало, что ее тихая и скромная дочь там будет в большом почете. И, несомненно, выйдет успешно замуж. А уж в педагогическом ее шансы совсем невелики – там одни девочки, мальчишки наперечет. А что касается полей и экспедиций, здесь волноваться нечего – будет семья, появятся дети, тут уж будет не до полей! А если муж-коллега будет часто в командировках – тоже совсем ничего страшного! Любая разлука пойдет только на пользу.

Мама рассчитала все правильно – на третьем курсе Оля вышла замуж. Лева, ее жених, понравился всем – интеллигентный, приличный парень. Москвич. Живет с чудесной и милой мамой в хорошей квартире на Верхней Масловке.

При первом же знакомстве будущие родственники понравились друг другу – одна среда, одно поколение. Мама и будущая свекровь мирно ворковали на кухне, обсуждая скорую свадьбу.

Ольга смотрела влюбленными глазами на своего Левушку – он был прекрасен!

– Лева, Левушка, – повторяла она перед сном. – Какое же счастье, что мы повстречались!

Свадьбу справили скромную, «интеллигентную», по словам мамы. Тихое кафе, родня и несколько институтских общих друзей. После свадьбы стали жить у Левы. Он объяснил, что оставить маму не может. Ольга согласилась легко – квартира была большой и удобной, близко от центра, а значит, от театров и музеев, куда молодые ходили часто. К тому же она мгновенно полюбила свекровь.

Ей сказочно повезло – ни в чем и ни в ком она не разочаровалась. Муж по-прежнему был нежен, свекровь подтвердила свой статус милой и доброжелательной женщины, жили они дружно, с долгими вечерними чаепитиями на кухне, и их обязательно ждал сладкий пирог – спасибо свекрови.

Весь быт был тоже на ней, хотя Ольга изо всех сил старалась помочь. Но свекровь от помощи отказывалась.

– Дети мои, – с легким пафосом объявляла она. – Пока я жива, и вы поживите! Пока я могу, вы свободны от этих дурацких и нудных бытовых хлопот!

И «дети» радостно сбегали из дома – в гости, на выставки, на премьеры, на шашлыки с друзьями.

Сразу после защиты диплома Ольга забеременела. И эту новость все приняли на «ура». Мама бегала по магазинам, доставала «приданое» малышу – все в то время доставалось трудно и с боем.

Свекровь подрубала пеленки, вязала носочки и шапочки. Беда пришла перед самыми родами – Ольгина свекровь, мать Левы, тяжело заболела.

Ольга, дохаживающая свой срок, от переживаний родила на две недели раньше. Да и слава богу! Это и вытащило тогда ее мужа, совсем впавшего в отчаяние. Родилась девочка, назвали Ирочкой – конечно же, в честь бабушки.

Девочка много болела, и вся семья крутилась возле Ирочки, молилась на нее, предугадывая любые желания. И разумеется, баловала!

Когда Иришке исполнился год, Лева уехал в первую экспедицию.

Ольга невероятно скучала, писала ему каждый день письма и даже – вот уж чего не ожидала! – стала пописывать простые и трогательные стишки. Правда, отослать их мужу так и не решилась – отчего-то было неловко.

Помогала, конечно, мама – приезжала, готовила обед, гуляла с Иришкой, давая дочке поспать. Свекрови сделали операцию, и появилась надежда. Врачи, правда, особенно оптимистичных прогнозов не давали, но несколько лет жизни ей все-таки обещали.

А Ольга томилась, скучала, ждала своего мужа так трепетно, что плакала от любви. Муж приехал через три месяца – в отпуск.

И эти две недели были лучшими и самыми яркими в их жизни. Нет, потом будет еще множество чудесных, замечательных и нежных дней! Брак их действительно оказался счастливым. Но почему-то те две недели Ольга запомнила навсегда.

С одним только не сложилось – с Ольгиной карьерой. Дочка много болела, и она была вынуждена сидеть с ней дома. Не садовый ребенок – таков был вердикт врача.

Конечно, быт заедал. Конечно, бесконечная кухонная и домашняя возня нестерпимо надоедала. Теперь все было на ней, на Ольге – свекровь почти все время лежала. Но мудрая мама, которая снова оказалась права (про экспедиции и поля), объясняла тоскующей дочери, что *все и сразу* в жизни не бывает! «Ты счастливая женщина: муж, ребенок, достаток, родители. Живи и радуйся. А работа твоя подождет!»

Иришка пошла в первый класс, и вот тогда Ольга вышла на работу, в геологический музей, научным сотрудником. Планы, конечно, были радужными: защититься, продолжить карьеру. Но жизнь внесла коррективы. Поначалу-то все было неплохо. С дочкой выручала мама: кормила ее после школы, помогала делать уроки, ходила с Иришкой гулять.

Ольга видела, как ее коллеги бились за жизнь, словно в кровавой схватке, много было и разведенных, и одиноких. Большинство жили в тесноте, с соседями или родителями. Те, у которых были мужья, часто страдали от их измен, грубости или пьянства. Дети дерзили, плохо учились. Старики требовали внимания и от всей души мотали нервы. Ко всему этому в те времена быт стал совсем невыносимым, тяжеленным: продукты исчезали или за них требовалось почти сражаться.

Женщины жили тяжело. В обеденный перерыв – какое там поесть или передохнуть! – хватали авоськи и бежали по магазинам. Одна вставала в очередь за мясом, другая – за колбасой, третья караулила сметану или сыр.

Ольге становилось стыдно – продукты покупала мама, забирая Иришку из школы. И дома Ольгу ждал полный порядок – накормленная дочка, сделавшая все уроки, нагулянная и довольная жизнью. Чистая квартира и вкусный ужин – райская жизнь!

Свекровь тоже старалась изо всех сил, делала все, что могла: читала Иришке книги, учила с ней стихи, слушали вместе музыку.

С мужем все тоже было замечательно – ничего в их отношениях не изменилось – так разве бывает? Ольга так же ждала его, как в первые годы их жизни, и так же по нему скучала. Нет, она скучала сильнее, чем раньше.

И она видела, чувствовала, что он отвечает ей тем же – женщину не обманешь, она все сразу поймет или почувствует.

Иногда, просыпаясь среди ночи от неясного страха, Ольга вдруг пугалась: «Так много – и мне? За что, почему? Почему мне, такой обыкновенной, такой заурядной, такой... «никакой»? Я же совсем обычная! И понимаю это прекрасно! Сколько красавиц, умниц не могут устроить личную жизнь! Сколько попыток, сколько страданий, сколько разочарований! А у меня так все легко получилось! И с первого раза! Муж, дочь, родители. Я никогда не считала копейки – геологам платят отлично. Я не жила в коммунальной квартире, не варилась в невозможном и страшном быту. Я не испытывала ужасных неудобств, невыносимых условий. Меня не предавали и не обманывали. У меня как-то сразу все сложилось! Все то, к чему многие идут тысячи лет».

И ей становилось не по себе.

Но, как часто бывает, жизнь решила проверить на прочность и ее, безмятежно-счастливую Ольгу. Свекрови стало резко хуже.

Болезнь снова вернулась, увы... Да теперь – на последней стадии. Врачи разводили руками – хирургическое вмешательство уже невозможно. Теперь – только уход и уход! Больная безнадежна – наберитесь терпения.

Бедка свалилась так внезапно, так страшно, накрыв их с головой, – невозможно стало дышать, есть, пить, разговаривать. Просто жить. За эти спокойные и безмятежные годы они, казалось бы, забыли, что женщина безнадежно больна. Забыли и слова врачей, что болезнь может вернуться. Человек ведь всегда рассчитывает и надеется на лучшее.

А тут еще и Иришка не пропускала ни одну заразу, цепляла все подряд. Берегли ее изо всех сил. Зимой рот девочки был закрыт шарфом, под который обязательно подкладывали носовой платок – холодный воздух, опасность! Из носа подтекала растаявшая оксолиновая мазь, которую Иришка размазывала по лицу.

Под вязаный капор надлежало повязывать ситцевый платочек, плотно прилегающий к ушам. В ушах – комочки ваты. Иришке не разрешалось играть с одноклассниками в школьном дворе ни в салочки, ни в пятнашки, ни в резиночки, ни в прятки: «Будешь носиться – вспотеешь». Нельзя было лепить снежки, шлепать по лужам, даже в резиновых, на шерстяные носки, сапогах.

Ольга без конца готовила диетические блюда – протертые супы, бесконечные каши (на воде, на молоко аллергия), запеканки, суфле и кисели.

Мороженое покупалось по праздникам и, конечно же, ждало своего часа – вместе с несчастной Иришкой, терпеливо наблюдающей, как твердый, бело-снежный, потрясаяще пахнущий ванилью кирпичик в хрустящей вафле медленно подтаивает и растекается сладкой лужицей.

– Уже можно, мам? – Дочь с мольбой заглядывала Ольге в глаза. – Уже растаяло, да?

Ольга тыкала чайной ложечкой в блюдце и натыкалась на слабое сопротивление не до конца растаявшего брикета.

– Нет, Ирочка! Еще минут десять!

Дочка, конечно же, соглашалась и продолжала неотрывно, как зачарованная, смотреть на вожаденное лакомство.

Подхватывала Иришка и ветрянку – где?

Да, конечно, в подъезде! На пятом этаже заболел мальчик, я знаю! Ветрянка – недаром от слова «ветер». Достаточно проехаться в лифте, – оправдывалась Ольга перед мамой и мужем.

Коклюш. Господи, коклюш! Передается воздушно-капельным путем! А он, этот «воздушно-капельный» – всюду, везде!

Сердце рвалось при взгляде на дочь: бледная, с темными кругами под глазами, вечно сопливая и кашляющая девочка то и дело пропускала школу, болела месяцами.

На подоконнике стояли банки с заваренными травами: мать-и-мачеха (от кашля), эхинацея (для повышения иммунитета), ромашка для желудка, душица, зверобой, шалфей, мята, солодка.

На горловине банок лежала темная от настоя марля – заварить, распарить, процедить. В китайском термосе с синими розами настаивался шиповник. В граненом стакане плескался мутный и вязкий, как кисель, настой семян льна. Дочку тошнило от одного вида этих «серых соплей».

Нет, конечно, дочку Ольга развивала: книжки, пластинки со сказками, открытки с репродукциями из Эрмитажа и Третьяковской галереи.

Казалось, и дочка уже привыкла к тому, что она не такая, как все. Как эти веселые, шумные, крикливые и розовощекие девчонки-одноклассницы, смотревшие на нее с искренним сочувствием и сожалением.

Ольге очень скоро пришлось уйти с работы. Она то и дело моталась с дочкой по врачам – поликлиника районная, поликлиника платная. Узкие специалисты, гомеопаты, профессура и частники – только по очень сильному благу! По очень важному звонку и за о-о-очень приличные деньги!

Деньги, слава богу, были! Спасибо мужу и родителям.

Про себя она совсем забыла – какое уж тут! Никогда не была модницей – а уж теперь... Закручивала волосы в пучок на затылке – быстро, удобно. Ногти? Да какой там маникюр, вы о чем? Она же вечно в воде – приготовь, постирай, завари, процеди. Ногти вечно ломались и слоились. Накрасить глаза? А зачем? В детскую поликлинику? Или в лабораторию с банкой мочи?

Мама пеняла: «Оля, так же нельзя! Ты совсем молодая женщина! И такое пренебрежение к собственной личности!»

Мама уговаривала ее осветлить волосы: «У тебя же такой невыразительный мышинный цвет! Покрась ресницы, хотя бы в парикмахерской, Оля! И надо подщипать брови, а то ж ты прямо «дорогой Леонид Ильич». С юмором у мамы было все хорошо.

Ольга беспечно махала рукой: «Мам, не до того! И вообще, какая разница?» – «Муж! – значительным голосом отвечала мама. – У тебя, Оля, интересный молодой муж! На такого, знаешь ли...» И мама загадочно замолкала.

Ольге было смешно: «Левка? Ты в смысле *того самого*?» – «Того, Оля, именно *того самого*!» Ольга приходила в бурное веселье: «Ну, ма-ам... Ты о чем? И где ему *это* делать? В поле, мам?» Мама смотрела на Ольгу как на ископаемое: «Ты что, серьезно? На полном серьезе, Оль? Нет, я, конечно, за тебя очень рада. Нет, я счастлива просто! Ты так уверена в нем и в себе... Да, я все понимаю, у вас большая любовь. Взаимопонимание, полное доверие, но, извини, он молодой и интересный мужчина, Оля! А ты, кстати, молодая женщина! И забывать об этом не просто глупо – грешно!»

Но – счастливая! – Ольга об этом и вправду не думала. Все мысли были закручены, завязаны на нездоровой дочери и теперь, увы, на тяжело больной свекрови.

Ольга рвалась. Рвалась на сто, тысячу частей – с самого раннего утра до самого позднего вечера ей хватало, хватало хлопот и совсем не хватало времени.

Свекровь – ее гениальная, бесподобная, терпеливейшая и мудрейшая свекровь – приняла новую реальность почти спокойно и мужественно. Не капризничала, не плакала, не скулила, не проклинала судьбу, задавая пустые вопросы – почему мне? Вопросы, которые в таком страшном положении задают все.

Ей только жалко детей – любимого сына, постаревшего в один миг, и милую, любимую невестку.

– Ох, Олюша! Теперь еще и я свалилась на тебя, как сосулька с крыши!

Ольга часто плакала, закрывшись в ванной, пустив сильную струю воды – не дай бог, услышат! И это она задавала вопросы – за что, почему? Почему ее, эту чудесную женщину?

И тут еще ко всем дочкиным болячкам добавилась аллергия – практически на все. В мае полетел тополиный пух, зацвели одуванчики – просыпаясь, природа расцветала и заодно мучила и губила слабого и без того измученного ребенка.

Иришка начала задыхаться, перестала спать по ночам, расчесывая в кровь бледную, нездоровую кожу.

Порекомендовали очередное светило – чудо-доктор принимал на дому. Подхватив еле живую Иришку, Ольга отправилась в Измайлово, еле нашла богом забытую улицу.

Дверь открыла немолодая дама в легкомысленном стеганом розовом халате и в таких же розовых атласных, каких-то «прелюбодейских» тапках. На голове дамы громоздилась пышная, слегка скособоченная, потрепанная «башня». Сильно напудренное лицо и блестящие от перламутровой розовой помады губы сложились в «бутончик».

– Вы от Веры Ивановны?

Растерянная Ольга кивнула.

Дама в розовом жестом предложила войти, отступив в глубь коридора.

«Наверное, домработница!» – догадалась Ольга, ожидая наконец увидеть светило – наверняка сухую, интеллигентную, поджарую старушку-профессоршу с пучком и в строгих очках, непременно в черной или серой юбке и белой крахмаленной блузке.

Но дама с пучком и в блузке все не являлась. Зато Розовая Дама – так моментально нарекла ее Ольга – все тем же царственным жестом пригласила их пройти.

– Девочку мы определяем сюда, – сказала она, и Иришка как замороженная прошла за ней в комнату. Комната была странной – мягкие игрушки, от крохотных мышек до огромных, почти в человеческий рост, собак и слонов, коробки с играми, бесконечные пупсы, куклы всех размеров и мастей, батарея машинок, от крошечных, с ладонь, до грузовиков и подъемных кранов, проигрыватель со стопкой пластинок, детская плита с кастрюльками и сковородками, мини-больница с приборами, шприцами и стетоскопами и пластмассовыми баночками. Все это магазинное изобилие, невозможная детская роскошь оглушали и даже пугали.

Иришка, державшая мать за руку, сжала ее так сильно, что Ольга испугалась – и подозревать не могла, сколько силы таится в руке ее немощной дочери. Еще больше побледневшая девочка с испугом посмотрела на мать.

– Можно, мам?

Ольга кивнула. Розовая Дама строго велела Ольге:

– Ступайте за мной!

Иришка, обычно робкая и застенчивая, на мать даже не оглянулась.

Розовая Дама провела Ольгу на кухню. Светило так и не появилось. «Может, занята? Или вышла?» – продолжала недоумевать растерянная Ольга.

Но Розовая Дама уселась напротив, слегка распахнув полы халата и показав полные круглые колени. Потом она ловко закурила папиросу и наконец кивнула.

– Рассказывайте! И поподробнее! Здесь важны все детали.

Ольга, изо всех сил пыталась взять себя в руки и собраться с мыслями.

– Да-да, непременно!

Розовая слушала внимательно, ни разу не перебив. Вопросов она не задавала, только все время помечала что-то в своем блокноте. Тоже, представьте, розового цвета! Вот уж чудно...

Ольга закончила говорить, и Розовая, прикурив новую папиросу, проговорила:

– Ну все понятно. Сейчас понаблюдаю за девочкой, а уж потом... – Она бодро прошла в «игровую», и Ольга услышала их с дочкой разговор. Точнее, не сам разговор – подслушивать под дверью ей было неловко, – услышала, как Розовая что-то спрашивает у дочки, а ее молчаливая Иришка отвечает бодро и живо. Ольга чуть выдохнула и наконец огляделась – кухня вполне соответствовала хозяйке: была игривой, с налетом кукольности, не очень настоящей, тоже игрушечной, что ли?

Розовая, в цветах, клеенка. Бежевая мебель с сиреневыми цветочками, яркая кастрюлька – тоже в цветочек. Игривый абажур в кружевах, на подоконнике, в тесный ряд, горшочки с фиалками, от темно-фиолетовой до кипенно-белой. И коврик у плиты пушистый и тоже, ох, розовый. «Что-то определенно не то у тетенки со вкусом, – вздохнула Ольга. – Может, застряла в детстве? Педиатр все-таки, с позволения сказать».

Через час с небольшим Розовая вышла из детской. Молча села напротив и принялась что-то строчить теперь уже в обыкновенной школьной тетради. Испуганная Ольга не выдержала.

– У нас... очень плохо? – почти шепотом спросила она.

Розовая остановила ее жестом пухлой руки, дескать, не мешайте, мамаша!

Сжавшись от страха, Ольга молчала.

Наконец Розовая отложила ручку и, глубоко выдохнув, подняла на Ольгу свои водянистые, выпуклые глаза.

– Ну, значит, так! – проговорила она, и Ольга вздрогнула.

Оказалось – ничего страшного, все поправимо и излечимо.

– Но! – Снова кверху пухлый палец в розовом маникюре. – Но! Меры надо принимать быстро, пока вы окончательно не загубили ребенка! Чудесного ребенка, надо сказать!

При слове «загубили» Ольга снова вздрогнула.

– Итак. Срочно поменять климат! Срочно – вы слышите? На море, в Крым, где тепло и сухо. В степь, вы меня понимаете? Потому что все это – начало астмы!

Ольга послушно соглашалась:

– Да-да, я понимаю!

– Не меньше чем на полгода! Это, надеюсь, вы тоже услышали? Никаких на два месяца или на три. Вы меня слышите? Минимум на полгода, до самой зимы! Питание – козье молоко. На крайний случай – парное коровье. Если не найдете козу. Но надо найти, вы постарайтесь, мамаша! Свежий творог, масло, свежие яйца. Сон на свежем воздухе – вы меня слышите? Если прохладно – в спальный мешок! Купить в магазине «Все для туриста»! Закаливание начать с обливания ног, дальше – больше, но постепенно! А все остальное, – она постучала пухлым пальцем по тетради, – все остальное я вам написала. – И она почти швырнула Ольге через стол тетрадку.

Дрожащими руками Ольга запихнула эту тетрадку в сумочку и осмелилась:

– Вы меня, пожалуйста, извините! Но у меня сейчас... такая ситуация! В смысле дома! Свекровь... тяжело, неизлечимо больна. Ухаживать некому. Муж почти все время в командировках – геолог. Я... Мне сложно уехать, вы понимаете? Я не могу оставить ее! Да и потом, меня не поймут...

– Ну, решать – вам! – жестко отрезала Розовая, прихлопнув рукой по столу. – Только запомните: упустите время – дочь вам спасибо не скажет, потому что останется инвалидом. Ни семьи, ни детей – будет всю жизнь спасать свою жизнь. А так – у вас есть шанс. Откажетесь – как дальше будете жить? Да и потом, – она замолчала, уставившись на Ольгу, – свекрови вашей, как я понимаю, никто не поможет. А здесь помочь можно. Необходимо. Так что решайте! На все воля ваша. – И она резко встала, давая понять, что разговор закончен.

Поднялась и Ольга, аккуратно положив под розовую сахарницу красную десятирублевку – огромные, между прочим, деньги.

Иришка ворковала с Розовой в коридоре. Увидев мать, почти расстроилась:

– Уходим? Уже? А мы еще придем сюда, мама?

Ольга молчала. Накинув на дочку курточку, посмотрела на Розовую и довольно сухо поблагодарила. Та равнодушно кивнула.

Всю дорогу до дома Ольга молчала. Иришка, потрясенная всем, что увидела, рта не закрывала, с восторгом рассказывая матери о новой знакомой и необыкновенных – слышишь, мама! – игрушках.

Дома, наконец уложив дочку спать и накормив свекровь, Ольга ушла к себе и довольно быстро приняла решение: никакого моря и никаких полгода! Это невозможно! Человек же она, в конце концов! Человек, а не сволочь последняя.

А насчет этой Розовой, так ей, честно говоря, нет никакого доверия, вот. Тоже мне, светило! Полусумасшедшая и, кажется, одинокая тетка. И что там у нее в голове... Нет, ни за что они никуда не поедут! Как после всего этого она посмотрит мужу в глаза?

Но все же позвонила Вере Ивановне, маминой по-друге, которая и навела на Розовую Даму, – сомнениями, разумеется, поделилась. Та рассмеялась и удивилась Ольгиной недоверчивости:

– Инга Станиславовна тебе не подошла? Ну, Оля... Ты меня удивила! Она же бог, эта тетка! Стольких деток спасла! Могу тебе перечислить только среди общих знакомых. Слушать ее надо, и все! А свои сомнения засунь куда подальше, ты меня поняла? – И с воодушевлением взялась перечислять вылеченных и спасенных детей. Это, конечно, впечатляло, но решиться Ольга не могла.

Она попыталась объяснить, что то, что предложила Розовая Дама, – просто невозможно, и все!

– Не-ре-аль-но! – по слогам произнесла она.

Вера Ивановна не перебивала, а когда Ольга закончила, тихо сказала:

– Дело, конечно, твое. Но я бы не пренебрегала советами Инги! Она всегда – в точку. Ни разу не ошиблась, ни разу. В общем, решать, Оля, тебе! И еще подумай, какие у тебя приоритеты. Кому ты больше нужна и кому ты реально сможешь помочь. В конце концов, у твоей несчастной свекрови есть сын.

«Все так. Чужую беду рукой разведу, это понятно, – подумала Ольга и решила: – Рассказывать об этом никому не буду. Никому, даже маме! А уж про Леву и говорить нечего».

А через пять дней Иришка подхватила ангину. И это в разгар весны, в середине апреля! После антибиотика развился ложный круп. Ольга открыла на полную мощь кран с горячей водой в ванной, напустила густого пару и усадила дочку на табуретку. «Скорая» приехала через тридцать минут. Из ванной Иришку, потную и замученную, врач выносил на руках. Девочка лежала, бессильно опустив руки, с закрытыми глазами, и ее густые, выющиеся, влажные волосы, словно водоросли у утопленницы, висели безжизненно и страшно. После укола она уснула.

Ольга сидела на краю ее кровати, уставившись в одну точку. Потом резко встала, вышла из комнаты и набрала мамин номер.

Мама ахала и охала, перебивала дочь и наконец вынесла свой вердикт:

– Да о чем же здесь рассуждать? Какая же ты, прости господи, дура! Чего ты боялась? Ты что, на гулянку собралась? С любовником в Сочи? Пиши срочно Леве. Нет, не письмо – телеграмму! И все вместе мы будем решать! Хотя все уже решено! Надо искать квартиру, заказывать билеты и придумывать, что делать с бедной Ириной Степановной! Такая большая семья! Кто-то поможет, Оля! Ты же знаешь, какие у меня организаторские способности! – рассмеялась мама.

– А Лева? – тихо спросила Ольга.

– Лева – Иришкин отец! – отрезала мама.

Муж должен был вернуться через три дня, и Ольга решила телеграммой его не беспокоить. Да, все так. Мама права. В конце концов, ей там тоже будет несладко! Чужой дом, чужой город. И она совершенно одна. Со всем хозяйством, со всеми Иришкиными капризами и болезнями. Кстати! Незадолго до этого, примерно месяцев за пять или чуть больше, она встретила Мусю. Шла по Горького, торопилась, да и погода прогулкам не способствовала – ноябрь, самая середина, самая гадость: снег еще не лег и не прибрал темные тротуары, не прикрыл грязь и копоть. Выпадал он на короткое время, крупными хлопьями вперемешку с дождем. Рано темнело, было ветрено, сыро, зябко. Противно.

До метро оставалось каких-нибудь десять минут, и Ольга прибавила шаг. Обернулась она на знакомый, как ей показалось, чуть хриплый, но громкий смех. Из парадного ресторана «Центральный» с шумом выкатилась компания. Было сумрачно, лиц не разглядеть, только силуэты. Компания громко возмущалась ненастьем, и несколько мужчин безуспешно пытались поймать такси.

На ступеньках, под козырьком, осталась пара – высокий и крупный мужчина в невиданном длинном пальто с пышным меховым воротником и высокая, стройная женщина. Она приотпывала длинными ногами в узких лаковых ботиночках, пытаясь, видимо, согреться, и, подняв пушистый воротник темного пальто, со смехом жалась к мужчине, закидывала голову, заглядывая ему в глаза, грозила пальцем в блестящей перчатке, стряхивала снежинки с непокрытой головы и снова смеялась. Мужчина, казалось, не обращал на нее никакого внимания – был строг и невозмутим.

Наконец они увидели затормозившее такси и быстро пошли навстречу. Через минуту оба исчезли в теплом чреве машины, а окончательно продрогшая Ольга, стряхнув с себя оцепенение, бросилась вниз к метро – снегопад и дождь только усилились.

Конечно, она рассказала все это маме. Та ее выслушала, а потом вспомнила:

– Да, да! Кто-то говорил, что сейчас Муся живет с каким-то богатым и важным тузом, директором то ли овощной базы, то ли ресторана – какая разница? – Мама горько усмехнулась. – Муся, как всегда, себе не изменяет, главное – деньги и удовольствия.

Ольга быстро забыла об этой встрече – проблемы нажились так, что только держись. Приехал муж, и Ольга, которую колотил непонятный озноб, решила ему все рассказать. Он был, конечно, растерян:

– Как же так, Оля? А как же мама? А я? Я не справлюсь тут один, без тебя.

Ольга его успокоила:

– Не волнуйся и не переживай, мама нашла сиделку, приличную женщину. Она медсестра, и деньги ей очень нужны. Ну и мама поможет, конечно! И тетя Галя, мамина двоюродная сестра. Она врач, как ты помнишь. И Галина дочка Маринка – все готовы помогать и страховать друг друга. Левка, милый! А что же нам делать? – расплакалась Ольга. – Иришка совсем замучилась! И я вместе с ней.

Муж подошел к ней, крепко обнял.

– Да, ты права! Иначе мы этого себе не простим.

Ольга разрыдалась еще сильнее и почувствовала, как дрожат его руки.

Все убеждали, что с жильем на юге не будет проблем – до сезона еще далеко, начало мая. Комнат полно – местные только этим и живут. Народу в это время немного, отдыхающие повалят только в конце мая и в начале июня. А до этого времени можно спокойно купить и молоко, и творог, и яйца. И даже мясо и кур – естественно, только на рынке. Правда, и цены соответствующие. Зато в начале мая уже есть свежая зелень, редиска и даже молодая картошка. А уж потом пойдет клубника, а вскоре и черешня. Вот благодать!

Растерянная Ольга собирала чемоданы. Господи, сколько, оказывается, нужно везти! Две кастрюли – на суп и компот. Две сковородки – маленькую и среднюю. Мясорубку, чтоб ее! Иришка ела только прокрученное и протертое. Полотенца, постельное белье – непонятно, что там дадут хозяева. Конечно, одежду на два сезона – весну и лето. Обувь. Иришкины книжки и учебники. Девочка пропускает школу, если не заниматься, программу потом не нагнать. Себе – почитать. Настольная лампа – для того же. Карандаши, фломастеры, бумагу купим на месте. Две любимые куклы – Светлану и Каролину. Ночной горшок – все понятно, среди ночи во двор ребенка не потащишь. Шлепки, сандалии, туфельки, резиновые сапоги себе и дочке. Сарафаны и куртки. Ну и так далее, по списку. Посреди комнаты стояли два чемодана, словно два крокодила, раскрывшие ненасытные пасти. А вещи все прибавлялись.

В последний вечер перед отъездом зашла в комнату свекрови. Понимала – прощается. Встретились глазами, одна – полными вины, другая – печали и предсмертной тоски. Ольга взяла Ирину Степановну за руку. Рука была тонкая, словно детская – не толще Иришкиной. Заплакали обе. Ничего не говорили друг другу – невозможно, не было сил.

– Прости, если когда-нибудь обидела тебя, – тихо сказала Ирина Степановна.

Ольга попыталась улыбнуться:

– О чем вы? Никогда и не было! Никогда!
Потрескавшиеся губы свекрови дрогнули от боли.
– Иди, Олюша! Иди! Так... всем будет легче...
Ольга поцеловала ее руку и, не оглядываясь, вышла из комнаты.

* * *

В поезде дочка была увлечена пейзажами за окном – хотя весной все было довольно скучно и серо. Она без умолку болтала, расспрашивала застывшую в своей боли Ольгу, тараторила без конца, и Ольге приходилось брать себя в руки.

Думала о своих – о свекрови, о муже, о жизни. «Правильно ли я поступаю?» В голове встревоженным птенцом билась мысль: «Приличный ли я после этого человек?»

Ответов не было. Была жизнь. Которая диктовала свое.

Приехали в Симферополь. Оттуда взяли машину до Малореченского – Малоречки, как называли ее местные.

Выбрали Малоречку, конечно, по причине дешевизны – курорт малоизвестный. В ту пору еще почти и не курорт, так, местечко на море. Посоветовал кто-то из знакомых.

Ехали два часа – уставшая Иришка продолжала вертеть головой и без умолку трещать. Наконец въехали в поселок. Шофер задал традиционный вопрос – куда вам, барышни?

Растерянная Ольга пожала плечами:

– А бог его знает! Нам надо бы комнату снять!

– Тогда – в квартирное бюро, – решил шофер и через минут десять лихо притормозил у дощатого синего домика с неброской табличкой.

Выгрузили вещи – шофер усмехнулся:

– Ну и нарядов набрали, а, барышни?

В маленькой комнатке за старым письменным столом сидела, отчаянно зевая, молодая женщина. Увидев непрошенных гостей, удивилась и поправила высокую прическу. Ольга рассказала о своих скромных пожеланиях – нужна комната недалеко от моря, желательно с большим крыльцом или терраской. На полгода – не меньше!

При этих словах женщина удивленно вскинула брови.

– Так надолго? – удивилась она.

– Надолго, – подтвердила Ольга. – Приехали к вам оздоравливаться!

Женщина раскрыла свои кондуиты – старые амбарные пышные и лохматые тетради и начала что-то выписывать – скорее всего, адреса. Вдруг остановилась, посмотрела на уставшую Ольгу и сказала:

– Послушайте, женщина! Что мы тут с вами копаемся? А может, у меня посмотрите? Я не вредная, верите? Да и комнатка у меня опрятная! Просто не сезон – вот и свободна! А уж в конце мая из рук будут рвать! До моря, правда, минут двадцать пять, если честно! И то быстрым шагом. Зато тихо и чисто – ни машин, ни людей. Если ближе к морю, в сезон от туристов устанете – шум, гам, музыка. А грязи-то сколько! Нет, правда! Может, посмотрите? – Она поднялась со стула и протянула Ольге руку. – Меня Таней зовут, а вас?

Ольга согласилась:

– Посмотрим! Чего ж не посмотреть, если тихо и чисто! Я Ольга! А дочь моя – Иришка.

Домик Татьяны оказался маленьким и неказистым – хозяйка с испугом поймала расстроенный Ольгин взгляд. Внутри оказалось две комнатки – слава богу, отдельные. В зале – так называла Татьяна ту, что побольше, жить будет она, хозяйка. А вот в спальне – постельницы! Спальня оказалась уютной – по-деревенски простой и очень теплой. Бордовые шел-

ковые шторы на окнах, такое же покрывало, две вазы с искусственными цветами – пышными георгинами. Телевизор под кружевной салфеткой и малиновый коврик возле кровати.

Татьяна отдернула шторы, распахнула окно и с гордостью посмотрела на Ольгу. Вид из окна на гору был и вправду завораживающий. У Ольги перехватило дыхание. Наступали ранние сумерки, и над горой вился парок или туман, кто его знает. Гора казалась голубоватой, с оттенком сиреневого.

И Ольга решила: остаемся!

– Ну, располагайтесь! – выдохнула хозяйка.

Ольга сварила кашу и уложила усталую Иришку поспать. Они с Татьяной расположились на кухне. Пили чай и болтали. Две женщины всегда найдут темы для разговоров. Говорила в основном Татьяна – чувствовалось, что ей необходимо выговориться.

О своей жизни она говорила спокойно и рассудительно, все время приговаривая: «Такая вот у меня судьба».

А судьба была... Ох! Страшная.

Родила Татьяна в восемнадцать, от «проезжего молодца» – тут она усмехнулась. Паренек из Ленинграда отдыхал в Малоречке с родителями. Познакомились на танцах – где знакомятся молодежь? Ну и...

– Вспыхнули чувства. Под кустом мою Женьку и зачали. Через неделю он уезжал. Адреса не оставил – хотя я и надеялась. А потом и поняла, что зачела. Ребеночка оставила – тут даже и разговоров не было! Мать, конечно, бесилась, уж как только не обзывала! И шалавой, и шлюхой. И даже похлеще. Соседи смотрели косо. Да что там смотрели – вслед шипели, не стеснялись. Поселок у нас небольшой, все на виду. Ничего, я терпела. Да и мать тоже можно было понять! Все надеялась, что по-людски у меня получится – хороший парень, свадьба, ребенок. Сама жизнь прожила – не дай бог. А тут еще я! Но вышло как вышло. Ходила я гордая, и на все было наплевать! Живот выпячу – и вперед! Так ребеночка ждала... – Татьяна замолчала и отерла ладонью слезу. – Родилась девочка, дочка. Назвала Женечкой. Здоровенькая, хорошенькая, крепенькая. Мама, конечно, смирилась, во всем помогала. И Женьку заобожала. Куда денешься, внучка! Она работала целыми днями – выживать-то ведь надо, да? Работала в прачечной при санатории. Работа тяжелая – целыми днями таскай грязное белье. Тюки неподъемные. А я с Женечкой и на хозяйстве. Тогда мы еще держали и птицу, и поросят. Жили как-то... Правда, теперь мне кажется – очень счастливо жили... А паренек мой так и не узнал, что у него доча родилась, – грустно улыбнулась она.

Ольга молчала, понимая, что то, что она услышит дальше, будет определенно трагедией.

– А в пять лет Женечка умерла, – каким-то слишком спокойным голосом сказала Татьяна.

– Как? – вскрикнула Ольга. – Как – умерла?

Татьяна спокойно продолжила, только голос чуть задрожал:

– А как умирают? Обычно. Заболела и умерла.

Растерянная Ольга не понимала, что ей делать – спрашивать дальше, молчать? Не выдержала:

– Таня, прости! Но я... Не понимаю! Ты же говорила – здоровая, крепкая девочка?

Та безучастно ответила:

– Ага. Была. А потом болезнь обнаружилась. Страшная. Сначала ничего особенного, ну синячки появлялись – то там, то сям. Я и внимания не обращала! Все в синяках – носятся ведь. Потом слабость стала, худеть. Есть перестала. Все поспать норовила. Походит чуть-чуть по дому и: «Мама, я спать хочу. Полежать».

Ну мы и бросились в Симферополь, в больницу. А там... Там сказали, что поздно. Лейкоз. Я тогда хотела в Москву ехать, в Питер. Даже отца ее хотела разыскать – а что, пусть помогает! В таком-то горе. А как его найти? Я и фамилию его не знала – только имя. Ну, говорил,

что живет в самом центре, у дома, где Пушкин жил. Ну а потом стало ясно, что все бесполезно. И дочка моя... умерла.

Ольга вздрогнула и положила свою ладонь на ладонь Татьяны.

Та встала, умылась под рукомойником и обернулась с улыбкой на лице.

– Все, хорош! – делано-бодрым голосом сказала она. – Что я тебя нагрязила? Ты отдыхать сюда приехала, а тут я!

Ольга попробовала возразить, но Татьяна ее перебила:

– Все, Оль! Честно – хватит! И что это меня пробрало? Я ведь давно все отплакала. Даже слез не осталось. Ладно, давай отдыхай! Завтра я тебе все расскажу. И все покажу, а, Оль? Ты ж тут, у нас, надолго – все надо знать и все понимать.

Ольга легла, прижавшись к теплому дочкиному боку. Подумала: «А я еще бога гневлю! Господи, дура какая! У меня есть Иришка. Мама и папа, любимый муж. Квартира и деньги! А тут...»

Из приоткрытого окна доносились невероятные, незнакомые запахи – свежести, прохлады, оживающих, просыпающихся садов. Где-то далеко мелодично и равномерно посвистывала птица. Ольга подумала, наверное, крупная. Почему – сама не поняла. Но живо представила эту самую птицу – огромную, с широким размахом мощных крыльев, с переливчатым оперением и красивым, чуть загнутым клювом. Птица непременно жила на горе, свив гнездо на макушке широкого дерева. Вот ведь какие глупости лезут в голову.

Уснула не сразу, но спала замечательно – крепко, спокойно, без тревожных сновидений. Перед сном посмотрела на дочку, Иришкино лицо было спокойным и безмятежным. Казалось, даже чуть посвежело и порозовело.

Утром, проснувшись, заварила кофе – настоящий, ароматный, бразильский. Ухватила перед самым отъездом.

Татьяна завороченно рассматривала хрусткий пакетик и без конца нюхала его.

– Вот ведь, а? Я и не знала, что кофе так может пахнуть! Оль! А можно еще? Одну кружечку?

Потом важным голосом объявила:

– В санаторке, то есть в санатории, в физкабинете, работает подруга. Что надо – устроим! Процедуры какие Иришке твоей. Имеются знакомые и в магазине, и на почте – тебе ж надо будет звонить? Ну так вот! А очереди там знаешь будут какие, когда туристы нахлынут? Обалдеешь! Яйца из-под кур и молоко из-под коровы можно брать у тети Тони – второй дом от угла, я тебя туда сведу, договоримся. Люська Кругликова, подружка моя, та завмагом у нас. Если чего – обращайся! Я тебя и с ней познакомлю. Правда, стерва Люська отменная! Сама понимаешь, торговля, все на поклон к этой цаце. – Татьяна тараторила без умолку.

В первый день решили осмотреться, прогуляться – в общем, начать новую жизнь.

Татьяна убежала на работу, а Ольга пошла будить заспавшуюся дочку.

После завтрака пошли на море. Оно было не очень приветливым – свинцово-серым, даже угрожающим в своем застывшем, ненатуральном спокойствии. Дул довольно холодный ветер, и Иришка замерзла. Еще она была разочарована.

– Мам! Что, море – всегда такое? – все спрашивала она.

Ольга смеялась и успокаивала ее:

– Вот погоди! Наступит тепло, и будешь плескаться, да с каким удовольствием! Меня бабушка не могла из воды выгнать, поверь!

Иришка с недоверием на нее поглядывала и, кажется, впервые не верила.

А вот прогулка по поселку понравилась – Малоречка была поселком зеленым, уютным. Местные с удивлением разглядывали вновь прибывших, вступали в разговоры:

– Кто вы, откуда и чё приехали в такую рань? У кого остановились?

В общем, с этого дня началась их курортная жизнь. Ольга привыкала к ней трудно и долго – по вечерам очень хотелось домой. Скучала по маме и мужу. Но видя, как оживает и расцветает Иришка, тут же приходила в себя – все не зря, не зря! Все она сделала правильно.

Домой звонила через день. Трубку брали то мама, то тетка, то муж. Там было все по-прежнему. У Ирины Степановны, увы, никаких улучшений. Впрочем, их и не ждали – только бы не было отчаянных мук.

Ольга умоляла поставить ее в известность, *когда...*

Мама торопливо отговаривалась:

– Да-да, разумеется!

Но Ольга чувствовала, что мама лукавит.

Муж почти не разговаривал – отделялся короткими фразами: «Ты все знаешь, Оля. Что тут повторять?»

Она не обижалась – все понимала. Конечно, все понимала! Им там, у постели умирающей, куда хуже, чем ей.

Свекровь умерла через два месяца после их отъезда в Малоречку. Конечно же, от Ольги все скрыли – сказали только после похорон, на следующий день.

Мама на Ольгины упреки ответила:

– А для чего, Оля? Кому теперь это поможет? Да и расходы на билеты. А еще и терять Иришку! Только вы там попривыкли.

Мама была человеком разумным...

Все так. Только на всю жизнь осталась вина – Ирину Степановну в последний путь она не проводила.

Летом, конечно, стало повеселее, несмотря на наплыв отдыхающих, огромные очереди в магазинах и в общепите, на пляже и просто на улицах. Малоречка ожила, оживилась, словно проснулась, закипела короткая, всего-то на три месяца, бурная жизнь.

На танцплощадках до позднего вечера оглушительно гремела музыка, по ночам слышались крики и смех молодежи, стало живее и веселее. Но и более шумно, грязно. Впрочем, жили они на окраине Малоречки, а вся жизнь проходила в так называемом центре. Да и спать укладывались рано – у них своя жизнь, свой распорядок. В кафе и на танцплощадки они не ходят.

С началом сезона Татьяна принялась худеть, каждое утро с недовольством рассматривая себя в зеркало, хлопая по пышным бедрам. И тут же расстраивалась.

Ольга успокаивала ее:

– Да брось ты, Тань! У тебя все отлично!

Татьяна вздыхала и махала рукой:

– Тебе хорошо говорить! Тощая, как... – задумывалась она, боясь обидеть жиличку. – А мне жизнь надо устраивать, Оля! Ты понимаешь? И времени у меня – с гулькиным носом! Летом знаешь как пролетит? Сама не заметишь!

Собой была недовольна, но... Глаза загорались, юбки подкорачивались, а стрелки на глазах становились длиннее и ярче.

Пару раз приходила под утро – шумно и громко раздевалась, что-то роняла, вздыхала, долго ворочалась в постели – слышимость через фанерные стенки была преотличная.

«Только бы никого не приводила домой, – с испугом думала Ольга. – Тогда точно придется съезжать».

Татьяна то веселилась, то впадала в транс – смотрела в одну точку, не ела и не разговаривала. Ольга понимала – очередной отдыхающий сорвался с крючка, снова ничего не сложилось. Но говорливая хозяйка уходила в себя и ничем не делилась. «Да и слава богу! – думала Ольга. – Сама разберется».

Однажды застала Татьяну за бутылкой вина.

– Зачем, Тань? Да еще и одна?

Та смахнула слезу.

– А что мне теперь? Так хоть легче. Вот и лето к концу. Ты уедешь. Потом снова осень. Дальше – зима. И я одна в этом доме. Снова ждать лета, Оль? Снова ждать, когда какой-нибудь хрен подкадрится, купит бутылку и шоколадку и пригласит в кино? И это еще в лучшем случае, Оля! А то и сразу к себе... – Она замолчала. – А я ведь пойду, Оль! Пойду, понимаешь? Буду знать, что на раз или на два. Или на две недели. На весь его отпуск. Если ему, козлу, понравится! А ему, скорее всего, понравится! А почему бы и нет? Своя-то давно надоела! А здесь – свежачок! Пусть на неделю! Все новые ощущения. Всегда интересно – и кто откажется, правда? А при этом будет деньги считать – бюджет-то семейный! Никаких подарков, никаких сюрпризов. Курортный роман – никаких обязательств! А съедет по-тихому, даже не попрощавшись. Ты мне поверь. Потому что стыдно. Сколько их было, таких трусоватых! Тайком съедет – не дай бог, скандал учиню! И знаешь. – Она замолчала. – Он будет к жене торопиться. К концу отпуска – точно! Я ж это чувствую. Меня обнимать и скучать по жене. По старой, постылой жене. Представляешь? Ну и слиняет, конечно.

А я буду ждать нового лета. Буду, не сомневайся! Противно будет, стыдно. Самой себя будет стыдно. А все равно буду ждать! А вдруг, а? Вдовец какой или разведенный? Все ж в жизни бывает? Верить буду. Что я приличная женщина, а не шалава. Просто я очень устала от одиночества, Оля. И очень хочу *своего*! Своего, понимаешь? А не чужого. Любого, но своего! Уж как я буду его любить... Только я знаю, одна! Вот так и живу, Оль! Вот такая я... дрянь. И дура такая.

– Не дура. – Ольга погладила ее по руке. – Каждая женщина надеется на счастье. Хочет семью. Каждая! И не страдай – значит, *твоего* еще не было! Но точно будет, поверь!

Татьяна подняла на нее глаза.

– Ты правда так думаешь?

Ольга кивнула и увидела, как та приободрилась и приосанилась – даже глаза заблестели. Доброе слово и кошке приятно. «Вот ведь женские судьбы, – подумала Ольга. – Да нет, человеческие! Все хотят счастья. Любви и покоя. Честности и правды. Никто не хочет ворованного и чужого. Просто так получается».

Иришка радовала – с аппетитом трескала черешню и абрикосы, не вылезала из воды, загорела, порозовела, поправилась. И ни разу не заболела! Ольга смотрела на нее – и сердце таяло от счастья. Но домой хотелось нестерпимо. По ночам ей снилась ее квартира, родная и уютная, кухня с занавесками в красный горошек, любимый диван, картины на стенах, двор за окном. По своим скучала отчаянно – упрашивала мужа приехать хотя бы на недельку, на пару дней. Он почему-то отказывался, ссылаясь на работу. Да и настроение, если честно... Нет, конечно, он соскучился. «Но не до кураторов мне сейчас, Оль, ей-богу».

Она обижалась – значит, совсем не соскучился.

Голос был у мужа странный – незнакомый, глухой. Ольге казалось, что его раздражают ее звонки. И становилось очень тоскливо и тревожно. Но она успокаивала себя, что все это – и его голос, и настроение, и нежелание приехать – закономерно. Человек мать потерял! А тут она со своими обидами и дурацкими предложениями. И она опять умирала от чувства вины: неужели все-таки не простил?

Упрашивала приехать и маму, но заболел отец – обострилась застарелая язва, – и мама днями не выходила из больницы.

И Ольга снова страдала. У мамы ни перерыва, ни передыха – сначала Ирина Степановна, теперь – папа. А она тут ест персики и виноград, купается и загорает. Да еще капризничает и ноет. Стыдно, ей-богу!

Чувство вины потом мучило Ольгу всю жизнь. Всю жизнь она помнила о той поездке. Всю жизнь не отпускало – вот глупость-то, да? Никакая логика (свекровь все равно уходила,

дочку надо было вытаскивать и так далее) не работала. Будь она верующей, давно бы отмолила, покаялась. А так... Только страдала.

В начале сентября решила ехать домой. Настолько было плохо, что даже не посоветовалась со своими. Спать перестала, считала не дни и часы – минуты!

С билетами тоже была большая проблема, но тут снова помогла Татьяна. У нее везде были свои люди.

Ольга отбила мужу телеграмму – решила не звонить, чтобы не уговаривали остаться еще на месяцок – подступало самое лучшее время, бархатный сезон. В телеграмме указала номер поезда и вагона.

Накануне купили две огромные корзины фруктов – янтарный и темный, почти чернильный, виноград «каталон» и «кокур», фиолетовые, с ладонь, сливы, огромные, крепкие, с малиновым бочком груши «бере», сочные, медовые, Ольга почему-то вспомнила, что их любил Есенин. Персики с пушистой кожицей и бутылку домашнего вина – выпить за встречу.

При подъезде к Москве была возбуждена и страшно нервничала. Поглядывала на дочку. Подкрасила глаза и губы – косметикой она пользовалась редко и мало.

Ей понравилось свое отражение, что бывало совсем нечасто, почти никогда. Сейчас из зеркала на нее смотрела молодая, загорелая, румяная и сероглазая женщина со слегка выгоревшими, вьющимися, мягкими волосами.

Наконец поезд дернулся и остановился. По платформе, заглядывая в окна, побежали встречающие. Ольга вглядывалась в людей, пытаясь отыскать любимого мужа. Мужа не было. Зато она увидела маму, которая растерянно улыбалась и махала им рукой.

Сердце екнуло. Интуиция? Значит, что-то и вправду произошло? Ольга выскочила из вагона, едва не забыв подхватить дочку.

Первый вопрос:

– Мама, где Лева?

Мама отвела глаза:

– Да ты не волнуйся! Все не так страшно. Просто Лева в больнице.

Ольга почувствовала, как ее заливают тревожным жаром.

– В больнице, господи! Что с ним, мамочка?

– Ничего страшного, – ответила бодрым голосом мама, тут же взявшая себя в руки. – Ничего страшного! – уже увереннее повторила она. – Нервное расстройство, детка, это часто бывает! Сама понимаешь – почти год в стрессе. Мужики ведь слабый народ. Положили его в клинику неврозов, в Соловьевку. Конечно, не без проблем. Ты же знаешь, как сложно туда попасть. Диагноз простой и довольно распространенный – нервный срыв, депрессия. Сейчас уже легче, честное слово! Я езжу к нему через день. Он уже говорит, начал есть понемногу. И даже выходит гулять! – Мамино лицо озарилось счастливой улыбкой.

– Говорить? – переспросила Ольга. – И даже гулять? Мама, ты что? Что ты такое говоришь, мама? Получается, что он не говорил, не ходил и даже не ел?

– Да, Оль. Было. Три недели лежал носом к стенке. На вопросы не отвечал, ничего не ел, только до туалета еле дошаркивал. Ну слава богу, схватились мы быстро, не зря наша Галя – медик! Сразу сообразила, в чем дело. Правда, – мама задумалась, – мы очень боялись, что добровольно он туда не пойдет. Знаешь, как эти больные... Они же не всегда понимают, что с ними происходит. Не могут дать объективную оценку своему состоянию. Врачи говорят, что это нормально. К тому же мать потерял, есть причина... В общем, завтра поедешь и сама все увидишь. – И мама переключилась на внучку, запричитала, заохала: – Ирочка! Да ты на себя не похожа! И где наша прежняя Ирочка? Худая и бледная, словно веточка? Теперь ты похожа на пирожок с повидлом! А, детонька?

Мама тискала внучку. Зацеловывала, тормошила. Смущенная и отвыкшая от бабушки девочка вырывалась и жалась к матери.

Остановили носильщика, загрузили коробки с фруктами, из которых вырывался на волю сладковатый, пьянящий запах, и чемоданы и двинулись к выходу. Очередь на такси была внушительной. Сев в машину, мама назвала свой адрес.

– Поедете к нам, пообедаем, отдохнете. Наговоримся, наконец! Я так соскучилась, Оля! Ольга перебила ее:

– Сначала на Шаболовку! В Соловьевку! Какой пообедаем, мама? Какой отдохнем?

Мама с испугом глянула на нее, но возражать не посмела.

Такси остановилось на Донской. Ольга обернулась на мать:

– Как ты могла, мама! Как ты могла все это скрывать? Кого ты из меня делаешь, мам? Законченную сволочь? – Она выбралась из машины, на ходу распорядившись: – Ты и Иришка – домой! – И бросилась к воротам больницы.

Иришка провожала ее изумленным взглядом, кажется, собираясь заплакать. Но Ольге было абсолютно на все наплевать – в том числе и на дочку. В корпус она вбежала, чуть не грохнувшись на ступеньках.

В трехместной палате было тихо. На кровати у окна лежал мужчина, почти с головой укрывшись верблюжьим одеялом со сбитым пододеяльником. Она осторожно подошла поближе и увидела родной затылок. Слезы подступили к горлу.

– Левушка! – просипела она. – Левушка! Это я.

Он тяжело и громко вздохнул и медленно, словно нехотя, повернул голову.

Ольга увидела его измученное и бледное лицо, запавшие, полные тоски и боли глаза, острые скулы и сухой, плотно сжатый рот.

– Оля, – сказал он и закрыл глаза. – Ты вернулась?

Ольга встала на колени возле кровати и обняла его. Плакали оба. Сначала громко, сил сдерживаться не было, потом немного утихли, ощущая, что бурные слезы чуть облегчили, чуть примирили их с обстоятельствами, с ситуацией, с ее виной, его обидой и общей болью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.